

ПРИБАВЛЕНИЕ К ДЕВЯТОЙ ГЛАВЕ

Милль справедливо говорит, что в настоящую минуту вопрос о производстве в большом и малом размерах решается для сельского хозяйства еще не совершенно по одинаковым соображениям с теми, какие встречаются при его рассмотрении в мануфактурном производстве. Разница, как он сам указывает, происходит главным образом от того, что в земледелии теперь еще очень мало введено разделение занятий, очень мала пропорция дела, для которого придуманы большие, дорогие машины, — словом сказать, земледельческий процесс еще очень мало усовершенствован, или, выражаясь экономическим языком, к нему еще в слишком слабой степени прилагается капитал.

В настоящую минуту, — в 1860 году, — это еще так; но нельзя не видеть, что уже и наше поколение доживет до иного порядка дел, что уже начинается и теперь перемена в нем, что эта перемена будет быстро развиваться и недалеко время, когда земледелие от нынешнего процесса производства перейдет к усовершенствованному. Пересмотрим признаки, указывающие на близость такой перемены.

Обратим прежде всего внимание на тот общий факт, под которым разумеются в экономическом языке все усовершенствования производства, на так называемое приложение капитала к производству. Симптомом этого факта служит, при нынешнем экономическом порядке, замещение патриархального порядка, держащегося на рутине, спекуляциею и введением живой конкуренции, обращение капиталистов на известную отрасль промышленности. Капитал, по справедливому замечанию Милля, устремляется большою массою на новую отрасль занятий тогда, когда уже тесно стало ему в прежних занятиях. Мы видим, что торговля и вся мануфактурная промышленность в передовых странах уже переполнена капиталом и он рвется обнять новые отрасли деятельности. На несколько лет достало для нового занятия ему постройки железных дорог. Теперь передовые страны Европы уже покончили сооружения нужнейших и выгод-

нейших предприятий этого рода. Постройка железных дорог продолжается там в очень большом размере и, конечно, будет продолжаться в таком же или еще большем размере много лет; но уже нельзя не видеть, что на это дело обращается только небольшая часть ежегодных приращений капитала, находящегося в руках спекуляции. Не только в Англии, даже во Франции и в Германии теперь уже не то, что было двадцать лет тому назад: новых громадных обществ для постройки новых громадных линий железных дорог уже не составляется; расширение существующих сетей производится главным образом прежними обществами, употребляющими на это дело часть своей прибыли; в Англии ежегодный чистый доход от железных дорог простирается миллионов до шестидесяти р. сер. или больше, во Франции и Германии вместе также до этой суммы; с каждым годом он возрастает; этих ста двадцати миллионов рублей серебром уже достаточно на то, чтобы ежегодно строить по несколько сот верст новых железных дорог. Железные дороги расширяются уже почти исключительно собственною силою, нового капитала из других источников не нужно для них много; где же искать занятия этому вновь образуемому капиталу, которому тесно в торговле и в фабричном деле? Ему остается одно производительное помещение — в сельском хозяйстве. Действительно, в последние годы стали в передовых странах Западной Европы обращаться к сельскохозяйственному производству коммерческие люди.

До сих пор мало было придумано для земледельческого производства больших машин; теперь, как всем известно, стоит на очереди вопрос о паровом плуге⁷⁵. Удачны или неудачны нынешние попытки разрешить его — все равно. Знатоки дела уверяют, что уже есть паровые плуги, работающие гораздо выгоднее простых плугов, которыми пахали на лошадях или волах. Но если б это уверение и было преждевременно, то все-таки оно не более как преждевременно: не ныне — завтра явятся паровые плуги удовлетворительной конструкции. Применение паровых машин к земледелию распространяется в передовых странах Европы с каждым годом и скоро должно перейти на главные операции земледелия, на пахание и на уборку хлеба. Вместе с этим приложением больших машин к прямому земледельческому труду, начинается производство приготавительных работ в большом размере. Довольно указать на дренаж.

До сих пор, несмотря на все толки об усовершенствованиях сельского хозяйства в последние десятилетия, оно все еще оставалось на той ступени, которое достигало в Средние века и раньше того у римлян, и еще раньше того в Месопотамии и в Египте. Фламандское и ломбардское земледелие, которому Милль отдает преимущество перед английским, достигло нынешнего своего вида еще в Средние века. У Ко-

лумеллы находят правила для ведения хозяйства по самым высоким из нынешних способов. Дело, за которое только еще принимается Англия, — колоссальные работы для орошения и осушения полей, — уже производились в Вавилоне и в египетских Фивах. Но общее положение технических знаний, в особенности механики и химии, теперь уже не таково, как было в прежние века, или даже хотя лет сорок тому назад: в начале нынешнего столетия эти науки действительно еще не могли оказать земледельческому процессу никакой другой помощи кроме той, какую получали от подобных знаний средневековые ломбардцы, римляне, египтяне. Теперь над постройкою железных дорог инженеры выучились делать сооружения, каких не было ни у римлян, ни у восточных народов, водопроводы которых, пятьдесят лет тому назад, еще были для нас образцами громадности и искусства. С той поры, как Либих занялся приложением химии к земледелию, открылись для подготовки почвы средства, о которых не знали Средние века, не знали Рим и Египет, о которых даже не мечтало предшествующее нам поколение. Кажется, всех этих фактов довольно, чтобы убедить нас в приближении коренной реформы земледельческого производства, реформы вроде той, какая произведена в мануфактурном деле открытиями конца прошлого и начала нынешнего столетия ⁷⁶.

Земледельческий процесс отличается от фабричного гораздо большей сложностью элементов, участвующих в нем. Тут входят климатические и геологические условия, которых не знает фабрика. На фабрике материал однороден; в земледелии он состоит из нескольких различных частей: кроме посева, соответствующего тому, что собственно называется на фабрике материалом, земля, служащая как будто ретортою, сама входит в химические соединения с материалом, между тем как на фабрике реторта не смешивается с ним. Этим объясняется, почему наука стала управляться с земледельческими вопросами гораздо позднее, чем с фабричными. Для решения задач более сложных ей было нужно приобрести гораздо больше знаний. Теперь она уже владеет значительной частью нужных по земледельческим вопросам сведений и быстро приобретает те, которых еще недостает ей.

Из этого надобно заключать, что скоро исчезнут причины различия между земледелием и фабричною промышленностью по отношению к выгодности производства в большом размере.

Впрочем, эти соображения надобно считать все еще не больше, как только догадками, гипотезами, — конечно, имеющими очень сильную степень вероятности: степень их вероятности почти равняется несомненности, однакоже это еще не факт; это еще только выводы из признаков, указывающих на близкое осуществление известных фактов. Но чего еще нет, о том нельзя слишком много заботиться, когда есть уже осуществив-

шие факты, требующие всей силы нашего внимания. Мысли о будущем, хотя бы довольно близком, имеют лишь малую степень практической важности по сравнению с обстоятельствами, влиянию которых человек уже подвергается в настоящем. Предоставляя следующим десятилетиям внимательнейший разбор вопроса о совершенном сходстве или о существовании некоторой внутренней разницы между земледельческими и фабричными способами производства, мы обратимся к общему разбору экономических свойств производства в большом и малом размерах, независимо от частного вопроса о реформе земледельческого процесса. Мы будем принимать этот процесс в его нынешнем виде. Посмотрим на выгодность или невыгодность земледельческого производства в большом размере при нынешних обстоятельствах.

Все преимущества сельского хозяйства в малом размере сводятся к одному: работы исполняются людьми, имеющими прямой интерес в их успешности. Почти все дело совершается семейством, которому будет принадлежать продукт. Лишь незначительная часть работ, да и то лишь иногда, случайным образом, исполняется наемными работниками, не имеющими личного интереса в успешности производства; да и то они работают рядом с хозяином, так что совестно им отстать от него, да и нельзя отстать: его глаз следит за ними ежеминутно. Потому, каковы бы ни были средства, представляемые малым хозяйством, оно пользуется ими очень хорошо.

Все преимущества большого хозяйства также сводятся к одному: оно имеет очень хорошие средства к успешному ведению дела, имеет лучшие орудия, имеет экономное распределение земли. В малом хозяйстве значительная пропорция земли пропадает, нельзя так удобно расположить разных полей и угодий, нельзя иметь таких хороших орудий.

В чем же дело, как теперь оказывается? При одной системе есть охота хорошо исполнять дело, но нет средств; при другой системе есть все средства успешно вести дело, но у исполнителей его, у наемных работников, нет охоты порядочно исполнять его.

Что ж это такое? и как тут рассудить?

Это вот что такое: есть юноша, имеющий все средства к образованию, но он не хочет учиться; есть другой юноша, имеющий охоту учиться, но лишенный средств к образованию. Что тут делать? Неужели вести спор о том, который из них достигнет лучшего успеха в науках: юноша с желанием без средств, или юноша с средствами без желания? По всей вероятности, вместо этого (впрочем, очень интересного) спора следовало бы заняться тем, чтобы подумать: нельзя ли в юноше, имеющем средства, возбудить охоту, а юноше, имеющему охоту, доставить средства.

Это тоже вот что: хороший повар готовит обед из дрянных припасов; отвратительный повар готовит обед из хороших припасов: чей обед будет вкуснее? Надобно полагать, что оба обеда будут очень плохи и что надобно не спорить о их преимуществах, а выучить одного повара порядочно готовить, другому доставить хорошие припасы.

Для хорошего хозяйства необходим большой размер полей.

Для хорошего хозяйства необходимо, чтобы работники были хозяева, а не наемники.

Пока эти условия не совместились в хозяйстве, оно будет плохо.

До такого заключения Милль не доходит. А ведь, кажется, вывод не очень головоломный.

Да, не головоломный в теории; но как же устроить, чтобы поля большого размера обрабатывались хозяевами?

Как устроить это, мы будем говорить в другом месте, потому что это уже касается форм производства, речь о которых идет во второй книге Милля, а не основных законов его, которые одни занимают нас здесь⁷⁷. Здесь нам довольно того, чтобы найти закон; как он осуществляется, это зависит от способов экономического устройства.

Должно заметить, что закон, формула которого выражена теперь нами по вопросу о земледельческом производстве, прилагается и к фабричному и ко всякому другому производству. Повсюду успех производства является произведением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда, или, что то же, качества работника, исполняющего эти операции. Само собою разумеется, что если один фактор очень велик, то произведение будет довольно значительно и при малой величине другого фактора. Но выгоднейшая величина в произведении получается тогда, когда оба фактора соразмерны между собою*.

* В самом деле, попробуем подумать, какова формула зависимости производства от двух факторов: от качества производительного процесса и от качества работника.

Данное общество в данную минуту располагает данным количеством сил, могущих быть обращенными на производство. Пусть в данную минуту оно имеет величину, равную 20 единицам.

Эти силы общество может употреблять на производство двумя способами. Во-первых, для производства нужны орудия. Назовем их А. Во-вторых, нужен работник. Назовем его В. Степень достоинства того и другого одинаково будем обозначать коэффициентами. Например, 6 А будет обозначать производительные орудия, которые вдвое лучше других орудий, обозначаемых посредством 3 А; 8 В будет обозначать работника, который исполняет работу вдвое лучше другого работника, обозначаемого посредством 4 В.

Продукт явным образом происходит из сочетания А и В. Но какую формулою определяется это сочетание: сложением, умножением или каким-нибудь иным отношением, не подходящим ни под ту, ни под другую рубрику? Открыть это очень легко.

Возьмем орудия известного достоинства, положим 6 А; возьмем работ-

При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно.

Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле себя невольничества; она не выдерживает тяжелых рук его беспечности. Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для них необходим вольный человек.

Но когда производство совершенствуется до того, что требует ведения в широком размере, для него становится недостаточным одно то условие, чтобы работник был свободен. В небольшой мастерской, в маленьком хозяйстве хозяин может наблюдать за исполнением дела; тут нет большой разницы между

ника известного достоинства, положим 8 В. Назовем известное количество продукта известных качеств, производимого дневным трудом этого работника посредством этих орудий, буквою X.

Положим теперь, что работник остается прежний, но орудия даны ему производящие вдвое меньше. Он произведет очевидным образом только половину прежнего продукта, то есть $\frac{1}{2} X$.

Или положим, что орудия остались прежние, но возьмем работника вдвое худшего; продукт опять будет вдвое меньше, то есть $\frac{1}{2} X$.

Каждый видит, к какой формуле принадлежит отношения, дающие такие результаты: искомая величина уменьшается наполовину, когда при неизменности одного из двух числ, ее производящих, уменьшается наполовину другое число. Каждый видит, что это не сложение, не возвышение в степень, не что-нибудь иное, а просто умножение. Каждый видит, какими математическими знаками надобно выразить разобранные нами отношения.

$$\begin{aligned} 6 A \times 8 B &= X \\ 3 A \times 8 B &= \frac{1}{2} X \\ 6 A \times 4 B &= \frac{1}{2} X. \end{aligned}$$

Никакая другая формула, кроме формулы умножения, не соответствует этим отношениям, а формула умножения совершенно соответствует им.

Теперь мы можем заменить X, знак неизвестного, каким-нибудь знаком, выражающим по математическому обычаю величину известную. Назовем эту величину буквою C; и положим

$$A \times B = C.$$

Тогда, принимая для A и для B разные коэффициенты, мы постоянно будем получать для C коэффициенты, образуемые перемножением коэффициентов A и B.

Например:

$$\begin{aligned} 2 A \times 2 B &= 4 C \\ 3 A \times 3 B &= 9 C. \end{aligned}$$

Успешность производства измеряется величиною коэффициента C. Теперь спрашивается, в какой пропорции выгоднее всего распределить сумму общественных сил, 20, между факторами A и B? Будем брать поочередно:

работою хозяина и наемника, потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякой мелочью. Но чем обширнее становится размер хозяйства, тем меньше возможности одному хозяину усмотреть за постоянно возрастающим числом работников, за подробностями дела, принимающего громадную величину. Тут наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами. Вместо наемного труда, выгодно дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре, который уже не может уследить за ним, а в собственном своем расчете; тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от

$$\begin{aligned} 1 \text{ A} \times 19 \text{ B} &= 19 \text{ C} \\ 2 \text{ A} \times 18 \text{ B} &= 36 \text{ C} \end{aligned}$$

.

$$\begin{aligned} 8 \text{ A} \times 12 \text{ B} &= 96 \text{ C} \\ 9 \text{ A} \times 11 \text{ B} &= 99 \text{ C} \\ 10 \text{ A} \times 10 \text{ B} &= 100 \text{ C} \\ 11 \text{ A} \times 9 \text{ B} &= 99 \text{ C} \\ 12 \text{ A} \times 8 \text{ B} &= 96 \text{ C} \end{aligned}$$

$$19 \text{ A} \times 1 \text{ B} = 19 \text{ C}$$

Соображая эти уравнения, мы видим, что чем ближе сходятся коэффициенты А и В, тем выше коэффициент С, чем дальше расходятся они, тем он меньше.

Это значит: наибольший продукт получается тогда, когда достоинство труда равно степени совершенства производительных процессов. При данном размере общественных средств надобно распределять их между заботами об улучшении производительных процессов и об улучшении качеств труда в такой пропорции, чтобы совершенствование работника не отставало от совершенствования производительных процессов. Всякое другое распределение невыгодно для производства. Если, например, слишком высоко разовьется качество труда при неразвитости производительных операций, мы будем иметь

$$1 \text{ A} \times 19 \text{ B} = 19 \text{ C},$$

то есть мы будем иметь малый продукт, то есть общество не будет иметь благосостояния. Это случай, соответствующий нынешнему малому хозяйству, где труд хорош, но средства для труда плохи.

Если, наоборот, мы очень высоко разовьем производительные процессы, но не позаботимся о развитии качеств труда, мы будем иметь

$$19 \text{ A} \times 1 \text{ B} = 19 \text{ C},$$

то есть опять то же самое: очень малый продукт и недостаток общественного благосостояния. Это случай, соответствующий нынешнему большому хозяйству, где труд располагает хорошими средствами, но сам плох.

недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося.

Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов. С одной стороны, это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что результаты известного факта требуют известного времени для полного своего обнаружения, что факт, требующий новой обстановки, не вдруг может создать ее, и неизбежно продолжает несколько времени существовать прежняя обстановка, соответствовавшая прежним фактам, но для него уже неудобная. Потому очень натурально, что характер труда в передовых странах Европы до сих пор еще остается прежний, какой был удобен при ведении производства в малом размере; производство в большом размере само стало усиливаться еще очень недавно: назад тому 80 лет его экономическая роль была совершенно ничтожна, даже в самой Англии, не говоря уже о других странах. Всего лет сорок или много пятьдесят прошло с тех пор, как начало оно быстро возвышаться, и только вот в последние годы стало достигать оно решительного перевеса над производством в малом размере. Если невольничество продержалось силою рутины несколько столетий, после того как перестало быть удобною формою производства, то и форма наемного труда в передовых странах Европы, может быть, продержится еще довольно долго, — быть может, несколько десятилетий, а быть может, даже и несколько поколений. В вопросах о будущем можно определенно видеть только цель, к которой идет дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достижение этой цели: историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных влечений, что видно только бывает, по какому направлению идет оно, но скорость его подвержена постоянным колебаниям, как возрастание температуры от зимы к лету: вообще она возрастает, но нельзя предугадать, какова именно будет температура следующего дня. Так и в истории: нельзя определить, благоприятны ли или неблагоприятны будут ближайшие годы экономическому прогрессу. Если благоприятны, в несколько лет произойдет развитие, на которое при неблагоприятных временах понадобится несколько десятков лет, а пожалуй, и несколько столетий. Но эта хронологическая разница имеет только практический интерес для живущего поколения: доведется ли ему пользоваться лучшими условиями производства или нет, для него это, конечно, очень важно. А в отвлеченной формуле

Нет этой неизвестности, потому что нет в ней и хронологических указаний; она только говорит факту: ты минувешь, и место твое займет другой факт; она говорит только: из настоящего положения вещей произойдут такие-то и такие-то перемены в таких-то и таких-то фактах. Но когда произойдут, этого она не говорит. Быть может, завтра, быть может, очень не скоро. Так физиология говорит каждому из нас: «ты умрешь», но когда кто из нас умрет — этого она не говорит; это уже дело обстоятельств, еще ускользающих от точного определения.